

ФИЛОЛОГИЯ*(шифр научной специальности: 10.02.19)*

УДК 81

Е.В. Шейко, В.В. Ломшакова*Южный федеральный университет**Ростов-на-Дону, Россия**evsheyko@sfnedu.ru***КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ И СПОСОБЫ ЕЕ ВЫРАЖЕНИЯ
В РОМАНЕ П. КРУСАНОВА «УКУС АНГЕЛА»*****[Elena V. Sheyko, Violetta V. Lomshakova Category of tenses and its means
in P.Krusanov's novel "Bite of an Angel"]***

It is shown the language means how the category of tense is represented in P. Krusanov's novel "Bite of an Angel". Verbal tense forms help to create a peculiar time layer in the novel. Their context and collocations with other indicators of time also disclose the temporality category of the text. To understand this category we should take into account the deictic centre, i.e. the fulfillment of a speech act in connection with the moment of speech or other acts. A set of specific syntactical constructions also help to build up this category. Lexical items are used to create a so-called alternative reality. The writer employs all these means to show the co-existence of various time epochs and to demonstrate the creation of a certain Empire and modern Hero-Emperor.

Key words: category of tense, absolute time, relative time, temporality category, lexical and grammatical means of time expression in a literary text, temporal specifier, alternative reality.

Категория времени определяет значительную часть мировоззрения человека, она по-разному находит отражение в разных языках и культурах: нам известны несколько летоисчислений, мы знаем о существовании разных календарей, разница в восприятии времени в языковом аспекте отражается в разных языках в отличных друг от друга системах временных форм. В философии время понимается как «категория, выражающая длительность существования материальных объектов, определенную последовательность событий реальной действительности» [4, с. 384]. Основополагающей характеристикой времени выступает длительность, которая представлена в факте возникновения каждого последующего момента за предыдущим и определяется соотношениями типа «раньше», «позже» [4, с. 388].

Интересным является вопрос о времени в художественных текстах. В данном случае принято говорить о категории темпоральности, а не о времени как таковом. В лингвистике сложилось следующее понимание темпоральности: это прежде всего семантическая категория, которая отражает восприятие и осмысление человеком времени обозначаемых ситуаций и их элементов по отношению либо к моменту речи говорящего, либо к какой-либо иной точке отсчета, при этом учитывается не только семантика и значение глагольных форм, но и микро- и макроконтекст высказывания. Темпоральность не равна грамматической категории времени, которая в свою очередь является специфическим языковым отражением объективного времени по отношению к определенной точке отсчета, к моменту речи. В Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка объективное (абсолютное) время трактуется как адекватно отраженное в тексте реальное время, в котором события текста ставятся в связь с реальными моментами, периодами, процессами в жизни личности, в существовании концепта, в мировом историческом процессе с его реальной хронологией [6, с. 537].

В данной статье на примерах из романа Павла Крусанова «Укус ангела» мы попытаемся рассмотреть категорию времени и как глагольную категорию, и как текстовую, на базе которых в современной литературе создают так называемую «альтернативную реальность».

Темпоральность – «векторная» категория [1, с. 7], характеризующаяся определенным направлением. Однако для темпоральности, как и для абсолютного времени, также свойственно отношение к некоторой точке отсчета, а это значит, что по отношению к ней автор текста может находиться в точке «я-сейчас» или «я-тогда», т.е. возникает понятие «я-текст» [6, с. 539]. Писатель может условно отстраняться от этой точки, не нарушая при этом направленности вектора, и в этом случае перед нами возникает понятие «он-сейчас», «он-тогда», т.е. «он-текст». Модель «он-тогда» хорошо иллюстрирует следующий пример из романа П. Крусанова: «*Кроме усов, мундира и, будто сочиненной к случаю, фамилии Некитаев, Никита имел сердце в груди и был не чужд благородной широте жеста и величю порыва*» [2, с. 6]. Здесь действие представлено как полностью отнесенное в прошлое, историческое описательное, при этом автор характеризует своего героя отстраненно, взглядом со стороны («он-тогда»). В следующем примере: «*И в*

этот миг на террасу с отважной улыбкой ступил Иван» [2, с. 14] отражается модель «он-сейчас», так как лексическим средством, указывающим на это, выступает словосочетание «*в этот миг*». В романе «Укус ангела» реализуется только ситуация «он-текст». Это связано с понятием дейктического центра – места осуществления речевого акта.

Поскольку рассматриваемая нами категория является дейктической, в основе одного из типов темпоральных отношений лежит актуальность или неактуальность ориентации на момент речи [1, с. 10]. В этом случае важно, совпадает ли содержание высказывания с ситуацией речи. Рассмотрим следующий пример: «*Реальность вокруг потеряла непринужденную цельность, единство вещей распалось – в мельтешении изменчивых сумерек перед Некитаевым теперь существовало только то, на что он бросал свой взгляд, и эта новая явь была не менее осязаема и реальна, чем прежняя, хотя она, несомненно, являлась созданием его взгляда*» [2, с. 59]. Глагол «*существовало*» употреблен в форме прошедшего времени, однако наречие «*теперь*» дает возможность утверждать, что речь идет о настоящем времени, совпадающим с моментом и ситуацией речи.

Существенное место в тексте занимает выбор точки отсчета. Исходя из того, что принято за исходный пункт, выделяются абсолютное и относительное время как типы темпоральных отношений [1, с. 13]. При абсолютном времени действие, характеризуемое глаголом, совпадает с точкой отсчета и определяется по отношению к моменту речи. А дейктическим центром относительного времени является тот момент, который фиксируется различными языковыми средствами, такими как глаголы и глагольные формы, наречия типа «*теперь*», «*тогда*», «*сейчас*», сочетаниями «*в тот день*», «*в то время*» и др. Именно эти конкретизаторы фиксируют исходный временной план, по отношению к которому определяется время действия в тексте. Средства выражения таких темпоральных отношений составляют для нас особенный интерес. Обратимся к примерам: «*Если он тратит время на сомнения и сожаления относительно того, что он сделал вчера, значит, он уклоняется от решений, которые должен принять сегодня*» [2, с. 103]. В данном предложении глагол «*сделал*» в форме прошедшего времени употреблен с наречием «*вчера*», в данном случае речь идет об абсолютном времени. «*Князь Кошкин продолжал расточать восторги, в то время как Некитаев медленно, с лен-*

цой загасил в пепельнице папиросу, опустил руку в карман кителя, с самым будничным видом, как спички, извлек оттуда именной штучный скоропал и со словами: «Ну что же, пора сдуваться до естественной величины», – в упор – через стол – шарахнул в Феликса из вороненого ствола» [2, с. 103-104]. Если за дейктический центр принять момент гашения папиросы, то все остальные действия, выражаемые глаголами «опустил» и «извлек», будут обозначать действия, буквально следующие за «исходным», и такое время является относительным. Иная картина предстает в следующих предложениях: «Когда же я попробовал применить мужское лекарство для женщин, я не заметил улучшения. Тогда я понял, что дух мужчин ослабеваает» [2, с. 131]. Здесь средством создания темпоральных отношений является видоизмененная синтаксическая конструкция «когда ... тогда». Однако, что хотел показать этими предложениями автор, на чем делает акцент? Как понять смысл текста? Дух мужчин ослабеваает, поэтому мужское лекарство не помогает и женщинам? Или наоборот? Определить характер темпоральных отношений в таких конструкциях П. Крусанова весьма сложно.

Следует отметить также, что в зависимости от темпорального конкретизатора выделяются определенно-фиксированная и неопределенно-фиксированная временные ориентации [1, с. 18-19]. В предложении: «Министр войны привез Клюкву в город, уже давно поселившийся в ее мечтах» [2, с. 155] наречие «давно» в сочетании с причастием «поселившийся» обозначает большой, но неопределенный отрезок на векторе времени, отделяющий действие от момента речи. А следующий пример: «На тринадцатый день, к удивлению обитателей китайской слободы, он обвенчался с Джан Третьей по православному обряду, за час перед тем окрестив с приятелем-капитаном по июньским святцам невесту Ульяной» [2, с. 6] – иллюстрирует определенно-фиксированный тип временной ориентации, при этом синтаксическим показателем темпоральных отношений является обстоятельство «за час перед тем».

Примечательно, что степень отдаленности действия от момента речи существенно различается в прошедшем и будущем временах. Вероятно, это связано с особенностями человеческого мышления – то, что уже прошло, и то, что только будет, воспринимается человеком по-разному. Отдаленность событий в прошлом в русском языке выражается более разнообразными средствами как лексическими, так и грамматическими, чем средства выраже-

ния степени близости действий в будущем. Например, в предложении: «*Часу в одиннадцатом к крыльцу сторожки приходил матерый еж, где неизменно ждало его блюдце с молоком, и Иван отправлялся в барак своей роты*» [2, с.57] – речь идет о событиях отдаленного прошлого, однако обстоятельство «*часу в одиннадцатом*» указывает на конкретное время, оно обозначает повторяющееся действие, то есть является косвенным показателем соотносительности с моментом речи, причем это значение усиливается за счет наречия «*неизменно*». А в предложении: «*А впредь давай устроим так, – предложил Иван, – я буду делать, как захочу, а ты будешь объяснять, почему я поступаю правильно*» [2, с. 19] формы будущего времени лишь констатируют возможность действия в будущем. Следует отметить, что глаголы в форме будущего времени почти не встречаются в тексте романа в силу авторского замысла: показать становление отдельно взятой Империи, где императором выступает главный герой Иван Некитаев.

Формы настоящего времени составляют отдельный вопрос в изучении категории темпоральности. По мнению А.В. Бондарко, их значение заключается в указании на отнесенность ситуации к настоящему времени, понимаемому как настоящее в самом широком и общем смысле, без дальнейшей конкретизации и детализации [1, с. 22]. Еще Р.О. Якобсон в начале 20 века писал: «Прошедшее указывает на то, что действие относится к прошлому, тогда как настоящее как таковое не определено в отношении времени и является типично беспризнаковой категорией» [7, с. 215]. Данное определение позволяет нам сделать вывод о том, что настоящее время в его отнесенности к дейктическому центру является достаточно неопределенным, подвижным. Следует также отметить, что формы настоящего времени в романе используются только в диалогах, что объясняется спецификой повествования.

Спорный вопрос заключается в функционировании форм совершенного вида при передаче ситуации актуального. А.А. Потебня считает, что «мысль о действии, действительно совершающемся в настоящее мгновение, а между тем оконченном, немислима, потому что заключает в себе противоречие» [3, с. 47]. Мы, вслед за А.В. Бондарко, будем считать, что употребление этих форм возможно в тех случаях, когда ко времени речи относится не само по себе целостное действие, выраженное формой СВ, а то состояние, которое связано с невозможностью осуществления данного действия. Рассмотрим

следующий пример: *«Соседи говорили, будто он, уже мертвый, с головой отсеченной до позвоночника, продолжал грызть землю и кусать камни, пока рот его не забился мусором, и он больше не мог стиснуть челюсти»* [2, с. 6]. Значение невозможности осуществления действия заложено в конструкции «не мог+инфинитив совершенного вида».

Рассматривая роман как смысловое единство, а не как совокупность отдельно взятых предложений, мы можем сказать, что категория темпоральности представлена весьма своеобразно, а установление типов темпоральных отношений осложняется соотносительностью сюжета романа с ситуацией альтернативной реальности, или альтернативной истории.

В литературоведении основоположником жанра альтернативной истории считают Л. Спрэга де Кампа, написавшего фантастический роман «Да не опустится тьма» (1939 г.). Павел Крусанов также прибегает к данному жанру, однако события, описанные в романе, мы воспринимаем как абсолютно реальные, при этом автор предпринимает попытку смоделировать более благоприятную, интересную, красивую альтернативную историю, в которой «России как государству и русским как нации уготована лучшая роль, чем в объективной реальности» [5, с. 37].

Определить отнесенность событий к одновременно происходящим или же происходящим с незначительной разницей во времени читателю позволяют грамматические показатели времени глаголов, а «альтернативность» повествования создается в романе благодаря такому базовому компоненту текстового времени, как лексика.

«Родня Никиты предлагала Ульяне-Джан перебраться с дочерью в русский рай – имение Некитаевых под Порховом, где в погребе томились в неволе хрустящие рыжики и брусничное варенье» [2, с. 6]. Определение дворянского имения как «русского рая» характерно для России середины 18 – начала 19 веков. Однако уже в следующем абзаце читаем: *«Через два года после рождения Тани, сразив Европу триумфом русского экспедиционного корпуса в Меркане, а Америке бросив снежно-сахарную кость Аляски, империя решила, что пора сыграть на театре военных действий свою долгожданную пьесу. Так был предъявлен ультиматум турецкому султану»* [2, с. 7]. Обращение к современной истории позволяет считать, что срок аренды Аляски закончился в 1957 году, что соответствует 20 веку, следовательно,

между возможным переездом Ульяны-Джан и продлением срока аренды Аляски должно было пройти полтора-два века, в романе же проходит пара лет, на это указывает обстоятельство «*через два года*». В этом же предложении с помощью местоимения «*так*» автор указывает на объект через его отношение к ситуации, делает своеобразный вывод, что позволяет нам говорить о следовании предъявления ультиматума после продления срока аренды. В действительности же война с Османской Империей, о которой, вероятно, здесь идет речь, закончилась в 1856 году. Продление договора об аренде Аляски состоится только через сто один год.

Обратимся к следующему примеру: «*Уездный предводитель был дородным господином с опрятным румянцем на полных щеках и пристрастием к рубашкам со стоячими воротничками – при всякой вылазке в столицы он покупал их дюжинами, как носовые платки*» [2, с. 10]. Смысловый уровень данного предложения снова возвращает нас к ситуации дворянской усадьбы 18 века, на что указывает словосочетание «*уездный предводитель*», являющееся устаревшим. А через несколько предложений читаем: «*В семье его считали природным философом, ибо за вечерним чаем, глядя на экран телевизора, где чуждедальний ковбой снимал у костра сапог, ... Легкоступов говорил домашним: – Начнем с того, что Североамериканские Штаты неинтересны мне как собеседник – ведь им нечего вспомнить...*» [2, с. 10]. Если же обратиться к реальной действительности, становится ясно, что события, представленные в данных двух предложениях, совершенно точно не могут происходить в один и тот же временной период, поскольку первая телевизионная трансляция в стране была осуществлена в 1931 году, а особую популярность набрали фильмы о ковбоях в 70-80 годах 20 века.

Обратимся к событиям, происходящим через пару лет по сюжетному времени романа. Конфликт Некитаева и Легкоступова на болоте заканчивается следующим образом: «*Когда Петруша обмяк и пальцы его перестали цепляться за руки и ноги мучителя, Некитаев вытащил едва живого герменевтика на берег*» [2, с. 19]. В представленном предложении нас интересует лексема «герменевтик», поскольку известно, что герменевтика как отрасль философии появилась в 20 веке, следовательно, сюжетное время и время реальное снова значительно расходятся.

Рассмотрим еще один пример. *«Сначала отпали западные провинции: Польша, Моравия, Паннония и Чехия. Затем провозгласили независимость закавказские царства, Болгария и Румыния. Следом за ними отделились Финляндия, Курляндия и Литва. Еще немного и Гесперия, преданная вассалами, распалась бы в пыль, в ничто, но тут в Москве, столице Востока, диковинной смертью умер Отец Империи»* [2, с. 22-23]. В данном предложении автор использует «один из самых распространенных приемов художественного текста – убыстрение текстового времени» [6, с. 148], динамичность событий создается с помощью употребления наречий *«сначала»*, *«следом»*. Местоимение *«тут»* в данном контексте по смыслу становится равным конструкции *«в это время»*, что позволяет сделать вывод о полном совпадении времени протекания событий со временем повествования. Возвратимся к реальной действительности. Обратим внимание на название стран, присутствующих в предложении. Сослагательное наклонение глагола позволяет сделать вывод о том, что действие еще не произошло, а нам известно, что Гесперия распалась в конце V века. На самом же деле представленные страны стали провозглашать свою независимость лишь после революции 1917 года.

Своеобразный диссонанс времени и смысла возникает и в следующих предложениях: *«Ворожея бережно вернула помощников в террариум, зажгла им лампу и села к столу на прежнее место»* [2, с. 43], *«Вот что я вам скажу, милостивый государь»*, – *очнулась хозяйка* [2, с. 44]. При обращении к герою гадалка использует устаревшую конструкцию «милостивый государь», характерную для 19 века, но держит своих змей в современном террариуме, под лампой.

В гостях у князя Петр встречается человека с прозвищем Чекаме, что расшифровывается как Черный Квадрат Малевича [2, с. 52]. Данная окказиональная лексема позволяет нам определить реальное время и соотнести его с романным. Картина «Черный квадрат» была написана Казимиром Малевичем в 1915 году, достоянием публики она стала позднее. Именно этот период и соответствует приблизительному времени действия в романе.

Следующий пример очень гармонично сочетает в себе приметы различных эпох: *«У него была личная самоходка: корпус из особо прочной стали изготовили уральские рабочие, в Минске собрали сверхмощный мотор, тульские мастера установили пулемет и пушку, поворонили броню и гравировали*

ее золоченым узором из райских птиц, цветов и трав, на внутреннюю отделку пошла червленная туркестанская кожа» [2, с. 154-155]. Создание сверхмощного оружия позволяет отнести событие к самому близкому для автора текста настоящему, к современности – в непосредственно прямом значении данного слова. Однако тульские мастера расписывают броню золотом, что напоминает нам времена Древней Руси.

Таким образом, мы видим, что автор романа мастерски использует категорию времени, что позволяет ему сочетать разные временные пласты. Он необычайно гармонично сплетает в единое повествовательное полотно упоминания как о пятом, так и о двадцатом веках. Лексические, грамматические и синтаксические средства позволяют автору создать весьма своеобразное текстовое время, точно изобразив портреты эпох, являющихся его составными частями, но при этом нарисовать абсолютно современного героя, героя нашего времени.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. *Бондарко А.В.* Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Ленинград: Наука, 1990.
2. *Крусанов П.* Укус ангела: Роман. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013.
3. *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. М.: Просвещение, 1977. Т. 4.
4. *Пронина Е.Н.* Философия: учебник. М.: МГУП им. Ивана Федорова, 2011.
5. *Рыльщикова Л.М., Худяков К.В.* Альтернативная реальность как популяризованный элемент научно-фантастического дискурса // *Lingua mobilis*. 2011. №7 (33). [Электронный ресурс]: <https://cyberleninka.ru/article/n/alternativnaya-realnost-kak-populyarizovannyy-element-nauchno-fantasticheskogo-diskursa> (дата обращения: 13.12.2018).
6. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. 2-е изд., стереотип. М.: Флинта: Наука, 2011. [Электронный ресурс] <https://rus-stylistics-dict.slovaronline.com/215-Текстовое%20время,%20или%20темпоральность> (дата обращения: 24.12.2018).
7. *Якобсон Р.О.* Избранные работы. М.: Прогресс, 1985.

R E F E R E N C E S

1. *Bondarko A.V.* Theory of functional grammar. Temporality Modality. Leningrad: Science, 1990.
2. *Krusanov P.* Angel Bite: Roman. SPb.: ABC, ABC-Atticus, 2013.
3. *Potebnya A.A.* From notes on Russian grammar. M.: Prosveschenie, 1977. Vol. 4.
4. *Pronina E.N.* Philosophy: a textbook. M.: MGUP of Ivan Fedorov, 2011.
5. *Rylshchikova L.M., Khudyakov K.V.* Alternative reality as a popular element of science fiction discourse // *Lingua mobilis*. 2011. No 7 (33). [Electronic resource]: <https://cyberleninka.ru/article/n/alternativnaya-realnost-kak-populyarizovannyi-element-nauchno-fantasticheskogo-diskursa> (access date: 13.12.2018).
6. Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language / Ed. M.N. Kozhina. 2nd ed., Stereotype. M.: Flint: Science, 2011. [Electronic resource] [https://rus-stylistics-dict.slovaronline.com/215-Text% 20 time,% 20 or% 20 temperature](https://rus-stylistics-dict.slovaronline.com/215-Text%20time,%20or%20temperature) (access date: 12.24.2018).
7. *Jacobson R.O.* Selected works. M.: Progress, 1985.

5 марта 2019 г.
